

настало женское время. Время тех, кто способен любить беззаветно, хотя бы свое дитя. У Екатерины — Верочка, у Ольги — Надежда. Сашенька же называет дочь Оксаной — «чужестранкой». Вместо любви как слаганием этой троицы, возникает холод отчужденности от мира. Доброта здесь в простодушии — в тех персонажах, которые ведомы житейской мудростью, простыми человеческими истинами. Это кроткая Ольга, добродушный Василий, справедливый Федор. Не случайно повесть заканчивается словами: «Начинался наивный, простенький человеческий рассвет, кончалась мучительно мудрая, распинаяющая душу Божья ночь». Не случайны и слова Профессора (**Михаил Окунев**) о том, что настанет предел, за которым число человеческих жертв переполнит чашу и наступит искупление, а за ним благоденствие. Наступит ли?..

«Искупление» — эпичное и многосложное полотно. Текст Горенштейна, медленный по темпу, и в спектакле остается таким же. Непростая интеллектуальная работа для зрителя смотреть этот спектакль, но потрясение, которое наступает в финале, — высшая награда. Наверное, ради этого человек и должен придти в театр.

Горенштейн писал: «Понимание — цель науки, а непонимание — цель художественности. В художественности дна нет, как в открытом космосе». Спектакль Омской драмы — тоже открытый космос, для которого требуется мужество и бесстрашие настоящего театрального зрителя.

Александрина ШАКЛЕЕВА

Фото Андрея КУДРЯВЦЕВА

ОРЕЛ. Пойдем со мной...

«**Б**удущее неизбежно, прошлое невозвратно, живи в настоящем и радуйся ему». Хорошо сказал священник и мыслитель Сильвестр. Только что делать, если настоящего еще более эфемерно, зыбко и размыто, чем грядущее. Если в прошлом — единственная радость и единственно возможная жизнь, а в существование будущего уже просто нет сил верить. Остается вспоминать... Самоотверженно — при полной невозможности защитить себя от полученных когда-то ран. Наивно — слово не знаешь еще завершения давней чудесной и трагичной истории. Но чем еще занять себя бедному немолодому художнику в маленьком парижском кафе под звуки музыки?..

ВОСПОМИНАНИЙ ПЕЛЕНА

Режиссер **Игорь Черкашин** предпринял весьма смелый профессиональный шаг, поставив на сцене **Орловского го-**

сударственного академического театра имени И.С. Тургенева бунинские «Темные аллеи». В основу постановки легла пьеса **Льва Проталина**, которая причудливо и весьма своеобразно тасует персонажей и судьбы рассказов классика. При этом подчеркивается некая ценность и последовательность произведений, вошедших в сборник. Сам Бунин так сказал о «Темных аллеях»: «Это книга о любви с некоторыми смелыми местами. В общем, она говорит о трагичности и о многом нежном и прекрасном. Думаю, что это лучшее и самое оригинальное, что я написал в жизни».

Добавим: многое в этих произведениях автобиографично. Эмигрантская тоска по Отечеству и солнечные удары, легкое дыхание и непрерывная грамматика любви Ивана Алексеевича даже в драматургическом переложении требуют особо тонкого восприятия жизни. Слово и чувство у писателя — категория, которая,

«Темные аллеи». Сцена из спектакля

врочем, никогда не живет отдельно от человека. И всегда есть некая золотая нить, некий пульсирующий нерв, пронзительный луч, на который наизано повествование чужой-своей жизни. Любовь в квадрате, печаль в кубе, страдание в превосходной степени. Трудно определить феномен Бунина. Нужно читать книгу или смотреть новый спектакль, совершенно открывшись чувству.

На сцене платиновые цепи представляются потоками дождя или солнца, ветвями яблонь в саду или плакучих ив на пруду, цепями или струнами, качелями или путами... Это полотно, на котором художник **Юрий Сопов** рисует то самое парижское кафе с условными столиками, веранды и флигели деревенских домов с условными вишнями, реку с условными брызгами воды и трелями птиц. И только воспоминания Георгия Левицкого (**Михаил Корнилов**) далеки от условности. Герой открывает нам самые темные аллеи лабиринта жизни. Мир суров, в нем свои порядки: звуки проникновенной песни о потерянной родине слились с перечислением блюд в меню. Здесь не осталось ничего важного. Немудрено,

что из антуража кафе герой уходит куда-то в тень, позволяя зрителю проникнуть в собственное прошлое, где женщины портят душу, как вода — вино, а повозка — дорогу. Завертелись кружевные зонты воспоминаний, гипнотизируя минувшей свежестью и легкостью... Где теперь та чудесница — белокурая, улыбчивая. Где теперь та Россия — родная, знакомая. Буря перемен беспощадна. Души и люди для нее лишь перекасти-поле...

ДАР БОГОВ

Так уж получается, в жизни Жоржа Левицкого женщины возникали по две и всегда чудесно разные. Первая любовь — под синим небом среди сочных трав (по мотивам рассказа «**Зойка и Валерия**»). Непонятная прекрасная Валерия (**Алина Сидорчук**) вдруг решила влюбиться. Героиня чудесна и, кажется, до конца непостижима. Она куда больший художник, чем юный Жорж (**Сергей Евдокимов**): видит мир во всем великопении и радуется ему. Кому, как не Валерии, в образе русалки сверкнуть однажды в непроглядной глади реки изумрудным хвостом, навеки завоевав невольного

Левицкий — М. Корнилов, Валерия — В. Иванова

Катя — Е. Плотникова, Левицкий — С. Евдокимов

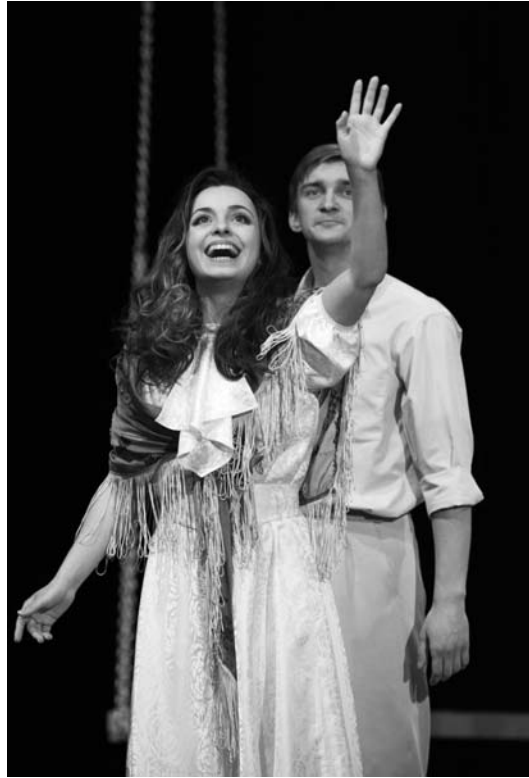
зрителя, и навсегда умчаться по лунной дорожке... Она мучает юношу, потому что сама, познав любовь, тоже вдруг начала мучиться. Зойка (**Марианна Еремеева**), в коротком платьице, совершенно другая — милая, юная, безнадежно впервые влюбленная. Она еще не знает отчаяния и по-детски стремится к цели (тоже не вполне понятной), завоевывает внимание игрой, обманом, капризами. Удивительный солнечный зайчик. Ребенок, раскрасневшийся от игры в снежки, румяная, довольный. И притом почти уже женщина! Выдает все свои переживания одним лишь взглядом, в котором смешана ревность и любопытство, интерес ко всему на свете и жуткая неуступчивость. Годы... Москва... Уже не такой молодой, но такой же одинокий Жорж вновь неожиданно сталкивается со «счастьем».

Вторая пара женских характеров — золотая тучка Катя (**Елена Плотникова**) в рассказе «**Мадрид**» и наперерез стремя-

щаяся к своей цели Муза (**Екатерина Гусарова**) в рассказе «**Муза**». Забавная Катя, наполненная испорченностью и шармом жизни улиц, своей первозданной простотой, одобренной первоходным грехом, порождает желание заботиться о ней. Эту героиню, кажется, можно было бы описать в двух словах. Но приглядишься — нет таких определений. Святая грешница. Неказистая красота. Откровенная пугливость. Оптимизм Кати не знает предела, но и у обиды нет дна... Ни девушка, ни мужчина не могут противостоять кавалерийскому наскоку амазонки Музы. Прикрывая незащитность резкостью, эпатажем, она груба и критична не в меру. Имеет свое мнение, не оставляет другим шанса возразить. Возможность стать спасителем и спасенным, дарованная Катей, растворяется в воздухе. Снова Жоржа ведут обстоятельства и люди.

СБОРНИК ДУМ

Даже чужие перекрестные жизни теперь накрепко вплетены в судьбу созерцающего Левицкого. Милые беседы, легкие наряды того, первого лета, многое предопределили, на многое указали. Но разве предостерегли? Могло быть иначе, если бы не писатель Титов (**Дмитрий Бундиряков**), неистово оправдывающийся по поводу критической рецензии на свое творчество, до крайности зависимый. Удивительно, как актер всего несколькими штрихами показал человека абсолютно бесталанного. Клавдия Алексеевна (**Елена Полянская**), напротив, может бросить вызов без прямого вызова, почитать своей силе, никого не неволя... Меж тем Добротворский (**Андрей Царьков**) советует «целомудренно» писать о самых разнуданных страстях, размышляет об общественной морали, не являясь ее образцом... В кружеве памяти встает и радушный хозяин генерал Данилевский (**Сергей Коленов**) – рассказ «**Темные аллеи**». Он искренне и отчаянно рад новому приобретению – кобыле Звездочке. Весело парирует шутки про седину и ребро, энергичен и уже по-стариковски мечтателен. Будто нет на свете ничего прекраснее, чем здесь и сейчас. Но в один миг философски начинают звучать его слова о любви, которая во всех проявлениях от Бога. И вдруг он погружается в пучину своего страдания. Просветленное оптимистическое восприятие мира сменяется полной незащищенностью, когда речь идет о прошлой любви, на секунду озарившей настоящее. Случайная встреча с некогда страстно желанной и ответившей взаимностью Надеждой (**Марианна Иванова**) становится похожей на свидание с призраком. Данилевский кается в особенно тяжком и прекрасном любовном грехе. Слова о вине и прощении, о том, что ничто не уходит, звучат с такой исповедальной силой, что Господь их обязательно должен услышать. И, возможно, простить. Но простит ли любящий и любивший, согрешивший и обиженный, одинокий? Удастся ли простить самого себя?

Валерия — А. Сидорчук, Левицкий — С. Евдокимов

Слезы раскаяния встревожат душу, но ничего не исправят.

ОДНА, НО ПЛАМЕННАЯ СТРАСТЬ

Судьба дает шанс или просто смеется над людьми (рассказ «**В Париже**»). Левицкий и возникшая под звуки романса на стихи Игоря Северянина «Классические розы» Валерия Андреевна (**Вероника Иванова**), спустя десятилетия встречаются в кафе. Кажется, наступила та самая счастливая «будущая жизнь», о которой всегда грезилось. Михаил Корнилов уже не созерцатель. Гладь его души теперь трогают не только воспоминания, но и, кто бы мог подумать, томительное предчувствие счастья. Можно закружиться в танце, заново влюбиться. Парализующий неожиданностью заколдованный сон из про-

шлого. А потом вежливые разговоры — о любви к Родине, поражающие русских, как никого другого; о двух неприкаянных несчастных душах, которых теперь врачует лишь терпение — «медицина бедных». Ничего нет. Условностей нет, расставаться незачем. Тепло, уют, искусство. Жизнь обрела смысл. Возможно, впервые...

Любовь бунинских «Темных аллей», показанная в спектакле во всех ее проявлениях (от нежности до страсти, от наивно-го взгляда до похоти, от искры до пепла), не терпит длительности. Слово радость способна осквернить святое чувство. Режиссер неминуемо напоминает, что за всем происходящим наблюдает некая богиня мести Немезида, которая в светлый миг припомнит нам все — слабость, жестокость, ошибки. Коварные стрелы трагических размышлений и боли пронзили душу Валерии, изранив весь мир. Теперь

женщине действительно незачем контрролировать выражение лица, крик, чувства, жесты. Судьба отобрала все: мимолетность молодости, призрачные надежды старости, смысл бытия...

Пронзительно печальный спектакль отчасти парадоксален. В страданиях героев, которых Игорь Черкашин сталкивает с действительностью, во взрослении и тленности, в отголосках крушения прежнего мира, в мучительной тоске по родине — красота. Крепкий купаж чувств в постановке слагается из горечи лет, ностальгии по невозвратимому и всего прекрасного, что когда-либо случалось и еще обязательно случится. За тысячелетия своего существования искусство уверовало в бессмертие души. Теперь для него смерти просто нет.

Ольга СУДАРИКОВА

Фото предоставлены театром

ЧЕЛЯБИНСК. Три часа с «Капитанской дочкой»

Премьера спектакля «Капитанская дочка», которую в Челябинском Молодежном театре поставил режиссер Тимур Насиров, состоялась в сентябре 2017 года (художник Константин Соловьев, композитор Евгения Терехина). За прошедшие полгода постановка прижилась на сцене, но по-прежнему вызывает неоднозначные и противоречивые мнения. Что, впрочем, вполне естественно и даже хорошо.

ЕДИНСТВО ПРОТИВОПОЛОЖНОСТЕЙ

События, изложенные в повести Пушкина, в спектакле рассказывает сам Петр Гринев, но будучи уже в преклонном возрасте. Он пишет мемуары, и возникающие в его сознании воспоминания разворачиваются на сцене перед зрителями.

Детство Петруши в спектакле изображается иронично и похоже на патетичес-

кую, карикатурную иллюстрацию. Главный герой в исполнении Дмитрия Хозина предстает озорным недорослем, не особо интересующимся образованием и склонным к шалостям. Ощущение детскости, ребячества, игры сохраняется на протяжении почти всей постановки. Но это же оберегает историю о русском бунте, бессмысленном и беспощадном, от излишнего пафоса и драматизма и в то же время делает более ярким, острым и неожиданным финал. Но об этом позже.

Первое действие — портрет молодого дворянина Петра Гринева, глазами которого мы и смотрим эту историю. Петруша становится свидетелем трагических событий, которые происходят в судьбе его страны и в его собственной судьбе. Кажется, что на протяжении всего спектакля персонаж Дмитрия Хозина не меняется внутренне,